

© 2007 г.

А.Ф. ХРАМЦОВ

**СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО: ПРАКТИКИ ФОРМИРОВАНИЯ И
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В ЕВРОПЕ И РОССИИ**

---

*ХРАМЦОВ Александр Федорович – кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Института социологии РАН.*

Послевоенное шестидесятилетие в европейских странах отмечено существенными сдвигами во всех сферах общественной жизни. Причем, наблюдается ряд сходных тенденций, приобретающих характер *общесоциологической закономерности*, знаменующей качественно отличный этап в политическом, экономическом, социальном и культурном развитии, связанный с формированием и плодотворным функционированием *социального государства*. В появлении и функционировании социальных государств нашло отражение и выражение закономерное попытке примирения в практической плоскости государства и общества посредством осуществления новой сильной социальной политики.

Вместе с тем недавние бурные события в Западной Европе: масштабные столкновения с полицией в мае 2006 г. в Германии; острый политический кризис во Франции весной 2006 г., проявившийся в массовых выступлениях лицеистов, студентов и профсоюзных объединений трудящихся против принятого закона о контракте первого найма; а также ещё не забытые волнения второго-третьего поколения эмигрантской африканской молодежи во Франции в октябре-ноябре 2005 г., перекинувшиеся в Италию, Бельгию, Германию, вызвали немалый резонанс в Европе и России. Они дали импульс для оживления дискуссии о месте

социального государства в меняющемся мире, о его перспективах как в Западной Европе, так и в России. Предметом дебатов стали фундаментальные основы социального государства.

Цель предлагаемой статьи – раскрытие сущности социального государства, закономерности появления, факторов становления и сравнительный анализ европейских и российских практик его формирования и функционирования.

Эмпирической базой статьи являются: национальные статистики европейских стран; материалы межстранового сопоставительного статистического анализа развития обществ и экономик Европы (Институт мировой экономики и международных отношений РАН); статистические данные Госкомстата и Росстата; результаты российско-американского исследования «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения», проводившегося ежегодно с 1994 г. за исключением 1995 и 1997 гг. Опрошено 4,5 тыс. домохозяйств Институтом социологии РАН, Институтом питания РАМН, исследовательским центром «Демоскоп», Университетом Северной Каролины (США). Для вторичного анализа использованы некоторые данные опросов исследовательского центра Юрия Левады и Центра «Башкирова и партнеры», осуществляемого с 1998 г. В 2006 г. опрошено 2107 человек в возрасте от 16 лет.

Теоретико-методологические аспекты проблемы

Основы современной теории социального государства заложены классиком либерализма Дж.С. Миллем во второй четверти XIX века, ознаменовавшемся быстрым развитием социалистического и рабочего движения. Через творчество Дж.С. Милля красной нитью проходит идея, что экономические явления, с одной стороны, и социально-политические, с другой, находятся в тесной взаимообусловленности. Поэтому успешное экономическое развитие в современных ему условиях предполагает глубокую социальную трансформацию капитализма, возможность

превращения капиталистического государства в социальное. Если законы производства основываются на рыночных принципах, то законы распределения создаются самими людьми, поэтому они могут и должны меняться в соответствии с требованиями социальной справедливости, высшими общественными задачами [8, т. 1, с. 78, 105; т. 3, с. 386]. Именно эту идею, ставшую стержнем социального государства, до сих пор пытаются поставить под сомнение правые и левые критики.

То есть основой социального государства, согласно идей Дж.С. Милля, является взаимное признание права на существование и развитие в общих интересах и предпринимательства и рабочего движения, их политических и экономических организаций. Более конкретное содержание этого компромисса проявилось в том, что реформистское рабочее движение уже не рассматривало частную собственность как тот институт, который необходимо быстрее уничтожить. Социальное же государство создавало необходимую систему защиты жизненных интересов большинства населения. Расхожее представление будто «государство становится социальным не в результате принятия обществом определенных политических решений, а в результате достижения определенного уровня экономического развития» [9, с. 113], никоим образом не может быть вписано в реальный исторический контекст становления социальных государств.

Зародившись в странах с глубоко укоренившейся протестантской этикой социальное государство опирается на прочный нравственный фундамент. Один из крупнейших теоретиков социальной рыночной экономики В. Ойкен справедливо подчеркивал, что «решение социального вопроса является проблемой общественной морали. Настрой людей в отношениях между собой имеет решающее значение. Без изменения такого настроя вряд ли можно было бы достичь цели» [10, с. 415].

Специфика российской полемики по проблематике социального государства во многом определяется особенностями развития отечественных представлений об этом феномене. Если говорить о советской науке, то конкретным аспектам социальной политики развитых стран в ней уделялось в целом немалое внимание. Однако проблематика социального государства была ею в значительной степени обойдена. Несомненное же усиление социальной деятельности западноевропейских государств рассматривалось как результат обострения классовой борьбы и притягательной силы примера стран реального социализма, но, за редкими исключениями, отнюдь не как итог осуществления стратегической линии развития западноевропейских обществ.

Научный и общественный интерес к проблематике социального государства существенно возрос в России уже во второй половине 90-х гг. прошлого века. Появляются статьи, сборники и монографии [1], предпринимаются попытки создать российскую концепцию социального государства, расширяется география исследований. На вербальном уровне эта концепция пользуется одобрением практически всех политических сил российского общества, хотя в теоретическом плане имеют место разные, порой взаимоисключающие точки зрения, подходы, трактовки этого социологического феномена. Кроме того, эти одобрения и интерес не находят адекватного отражения в практической политике, где проявляется волюнтаристский, конъюнктурный, нигилистический подход к использованию опыта в области социальной политики, реализуемой европейскими социальными государствами.

Одновременно усиливаются попытки релятивизировать принципы, на которых строится социальная действительность в классических западноевропейских «государствах всеобщего благосостояния», принизить значение европейского опыта, подвергнуть его сомнительной интерпретации [2]. С целью представить оправданным, соответствующим мировым

тенденциям развития нарастание контрпродуктивных тенденций в социальной деятельности российской бюрократии. Поэтому анализ как самого европейского опыта в социальной сфере, так и причин особого отношения к нему большей части отечественной элиты является чрезвычайно актуальной задачей.

И в этой связи нельзя не отметить очевидное: недооценка, а порой и фальсификация европейского опыта существенно облегчена тем, что важность проблематики социального государства, несмотря на рост интереса к ней все же недостаточно сознается не только широкими, но и академическими кругами. Об этом свидетельствует весьма примечательный факт: в учебнике «Социальная политика», выпущенном РАГС в 2003 г., нет даже самого малого раздела, посвященного социальному государству. И только в словаре основных понятий социальной политики в конце учебника делается попытка определения социального государства как «государства, в котором социальные проблемы имеют приоритетный характер» [3, с. 538]. Очевидно, что такое определение с успехом может быть применено, например, к государству, находящемуся на грани, а то и за гранью гуманитарной катастрофы. К тому же всякие попытки выстраивания иерархической системы отношений социального и экономического не могут приблизить к пониманию сути социального государства. Главное в этих отношениях – взаимообусловленность. Не претендуя на полноту и завершенность своей дефиниции, автор в качестве рабочего понятия предлагает следующее: *социальное государство – это особый тип государства, возникшего в результате широкого исторического компромисса разнонаправленных политических и социальных сил в интересах всех слоев общества, основанного на осознании зоны объективных общих интересов контрагентов социального противоборства и необходимости ее дальнейшего расширения с помощью активной, опирающейся на*

экономическую эффективность и политическую стабильность, социальной политики.

Социальное государство – это политический союз рыночной экономики и социальной справедливости в интересах всего общества.

Однако констатация того факта, что важность изучения проблематики социального государства ещё недостаточно осознается и обществом, и научными кругами, отнюдь не означает отсутствие центров изучения этого феномена. Проблемы развития западноевропейских социальных государств на рубеже веков подвергались широкому обсуждению в рамках конференций и круглых столов, систематически проводившихся Советом социальных исследований РАН, Институтом Европы РАН с привлечением широкого круга российских и иностранных исследователей. Возникновение новой ситуации стало предметом многостороннего коллективного анализа. В качестве причин обращения к этой проблеме назывались многочисленные факторы, действительно в той или иной мере имеющие место. Среди них, во-первых, *политические*: итоги нелиберальной «революции» [4, с. 101; 5, с. 69, 100] и крах реального социализма в Европе, расширение ЕС при весьма значительном уровне различия в развитии старых и новых членов Союза [4, с. 87; 5, с. 71, 100, 109; 6, с. 56], повышение активности масс для защиты основ социального государства [4, с. 101; 5, с. 69]. Во-вторых, *экономические* факторы, связанные со спецификой глобализации мировой экономики: возросшим значением конкуренции и увеличением безработицы, в известной мере подрывающей материальную базу социального государства [4, с. 59-60; 5, с. 79; 7, с.1 4-15, 25]. В-третьих, *социальные* факторы: уменьшение притягательной силы профсоюзов; мощный приток иммигрантов, выросших в принципиально иной культурной среде и стремящихся к наиболее полному использованию благ социального государства, а также появление второго-третьего поколения иммигрантов, утративших связь с исторической родиной, но не адаптированных к новой среде [4, с. 59, 67-68]. В-четвертых,

демографические сдвиги, самые существенное из которых – старение населения вследствие понижения рождаемости и повышения продолжительности жизни [4, с. 84].

Взятые в совокупности они могут быть квалифицированы как факторы. Каждый из них в отдельности, а тем более их совокупность **потенциально подрывают основы функционирования государств благосостояния**, базирующихся на социальной справедливости и социальной сплоченности. Идея социальной справедливости воздействует на сообщества двояким способом. Когда представления о ней у большей части являются относительно единообразными, то она проявляет свои консолидирующие свойства, способствуя социальной сплоченности. Если же постоянно присутствующая в жизни людей социально-политическая и идеологическая борьба относительно содержания социальной справедливости охватывает преобладающую часть населения, то идея проявляет свои негативные качества. Так, в начальные 30 лет послевоенного развития западноевропейских стран, несомненно преобладала первая тенденция. Не случайно во Франции этот период называют «славным тридцатилетием». Стоит ли сомневаться в том, что в современной России же доминирует вторая тенденция.

Западно-европейские практики формирования и функционирования социального государства

Какие же тенденции определяют основное направление социального развития Западной Европы на рубеже веков? Очевидно, что факторы изменчивости социальных государств, какими бы мощными они не представлялись многим, отнюдь не в одиночку определяют перспективы социального развития в мире. Им противостоят долговременные стратегические факторы, обеспечивающие определенную стабильность социального государства как во времена высокого наката неоконсервативной волны во главе с Р. Рейганом и М. Тэтчер в 80-е гг. прошлого века, так и в

новом столетии. Это – факторы устойчивости социальных государств, о которых говорится и пишется чрезвычайно мало, особенно в России. Между тем только соотнося факторы изменчивости и устойчивости социального государства, можно делать фундированные выводы о его судьбах.

Факторы устойчивости классических социальных государств Западной Европы определяются, в частности, тем, что они глубоко укоренены в истории и культуре континента. Их истоки нужно относить к периоду перехода от феодализма к капитализму, характеризовавшемуся *сосуществованием* и позднефеодальных абсолютистских, и раннекапиталистических государств. Разложение феодальных отношений знаменовало собой и разрушение инфраструктуры благотворительности – основы докапиталистической социальной политики и потребовало новых подходов в этой области.

наиболее высокого наката неконсервативной волны, на представителей средних слоёв приходилось: на медицинское обслуживание – 120% от среднего показателя; на начальное образование 90%; на среднее до 16 лет – 80%; на среднее старше 16 лет – 165%; на высшее, но не университетское – 149%; на университетское образование – 272% [11. Р. 26, 58]. Но это только одна сторона дела. Другая заключается в том, что значительная часть средних слоёв (врачи, учителя, управляющие институтами социальной политики и т.п.) сами являются производителями социальных услуг. И в этом качестве они – естественные противники любых сокращений расходов или субсидий на социальные нужды в своих сферах. Например, в Великобритании именно средние слои сыграли в 1980-х гг. амортизирующую роль в осуществлении имевшегося намерения существенно сократить социальные расходы. В частности, проведенный эксперимент показал, что при отсутствии влияния средних слоёв расходы на социальные нужды могли

бы сократиться на 27%, реально же – на 7% [12. Р. 173]. Есть и другие данные, показывающие, что сократились не расходы на социальные нужды, а лишь темпы их роста. Важно и то, что средние слои, занятые в СМИ, имеют значительные возможности воздействия на общественное мнение по социально-политическим вопросам в желаемом для них направлении.

Нельзя недооценивать и экономическую мощь средних слоев. В частности, в исследованиях американских экономистов Дж. Венерис и Д. Гупта, проведенного по материалам 49 стран, выявлено, что основным источником внутренних инвестиций служат сбережения не богатейших слоев населения, а среднего класса [13, с. 70]. Поляризация же доходов и размывание среднего класса ведут к падению внутренней инвестиционной активности. Это положение в полной мере относится и к странам с переходной экономикой, что подтверждается составленными Н. Ивановым на основе Human Development Report (анализа развития человечества – 2002 г.) и Economic Survey of Europe (экономического обозрения Европы – 2003 г.) рядами (см. табл. 1).

Следует упомянуть и о таком факторе устойчивости социальных государств, как стремление народных масс сохранить и упрочить свои социальные права. Острый политический кризис во Франции весной 2006 года, в котором, кстати, активнейшую роль играло молодое поколение средних слоев – одно из свидетельств этого: лишь 12% французов

Таблица 1

**Дифференциация доходов населения, динамика капиталовложений
и среднегодовой прирост душевого ВВП**

	Коэффициент фондов (децильный ¹)	Уровень капиталовложений 2000 г. (1990 – 100%)	Среднегодовой прирост (%) душевого ВВП в 1990-2000 гг.
Россия	20,3	20,8	- 4,6
Чехия	5,2	118,5	1,0
Словакия	6,7	89,7	1,9
Польша	7,8	175,5	4,5
Венгрия	5,0	133,8	1,9
Словения	5,8	183,6	2,8

Источник: [13].

поддержали идею контракта первого найма, ставшую детонатором социального взрыва [14, 2006, N 11]. А в общенациональной забастовке в марте 2006 г., парализовавшей Францию, особую активность в поддержке студентов и лицеистов проявили, наряду с транспортниками и металлургами, именно представители средних слоев: чиновники, работники почты,

---

¹ Определяется как соотношение между средними уровнями денежных доходов 10% населения с самыми высокими доходами и 10% населения с самыми низкими доходами.

банковские клерки, преподаватели, журналисты и даже налоговые инспектора [15]. В Норвегии, в 1999 г. образовалось движение профсоюзных организаций в поддержку государства благоденствия, которое в настоящее время охватило более половины занятых в народном хозяйстве. В Италии три ведущих профцентра координируют свои действия против попыток демонтажа социального государства [4, с. 85, 101].

Социальное государство является структурированным феноменом, в котором осуществляется выполнение важнейших функций, сознательная саморегуляция общества. Оно – чрезвычайно сложная динамически целостная система, характеризующейся множественностью элементов, структур и подсистем, наличием различных уровней функционирования, множеством связей составных элементов. Структурно-функциональный анализ социального государства показывает, что само по себе многообразие функций социальной политики важнейший фактор стабильности социального государства. Признание, что сильная социальная политика не только гуманна и ведет к политической консолидации, но и выгодна в чисто экономическом смысле, оставляет мало места для конструкций критиков социального государства в Западной Европе.

Профессор социологии Королевского Дублинского университета М. Дэли отмечает: «Свидетельства сколько-нибудь серьезного упадка ценностей социального единения сегодня редки. Люди в современной Европе высказываются на самом деле в пользу того, что можно было бы назвать традиционными ценностями и принципами, а именно доверие, уважение к обществу, солидарность» [16, с. 26].

Европейский взгляд на проблему социального устройства постепенно завоевывает позиции и в мире. Одно из проявлений этого – распространение концепции «социального капитала» с её индикаторами и критериями. В этом же ряду стоит и разработка Программой развития ООН такого сводного показателя для оценки государств, как Индекс развития человеческого

потенциала (ИРЧП)². В табл. 2 [13, с. 72] приведены межстрановые сопоставления показателей, представляющих отдельные стороны социального капитала, с ИРЧП. Она демонстрирует прямую зависимость между экспертными оценками названных показателей и ИРЧП [13, с. 72]. Отметим, что в приведенной таблице отсутствуют данные о взаимном доверии среди россиян, являющиеся чрезвычайно важными в исследованиях «социального капитала». Однако измерения этого показателя проводились Центром политической культуры и политического участия Института сравнительной политологии РАН (ныне – подразделение ИС РАН) в 1995-2003 гг. среди работников горно-металлургического комплекса и случайно выбранных респондентов. В целом доверие среди горняков и металлургов было выше, чем среди обычных опрошенных, и составляло в 1999 г. 61%. Однако затем оно быстро снижалось, достигнув в 2003 г. 37%. Существенно хуже обстояло дело с доверием в случайной выборке. Здесь максимум был достигнут в 1996 г. Но он примерно соответствовал приведенному минимуму горняков и металлургов 2003 г. Затем с 1999 г. так же идет непрерывное снижение, достигая 22% в 2002 г. [17, с. 205]. Эти данные еще раз свидетельствуют, что Россия, теряя свой социальный капитал, не только не идет к социальному государству, но и движется в противоположном

Таблица 2

Социальный капитал и индекс развития человеческого потенциала

Страны	Социально-политичес-	Закон-ность	Защищен-ность	Дифферен-циация	Взаим-ное	ИРЧП
--------	----------------------	-------------	---------------	-----------------	-----------	------

² ИРЧП – сводный показатель, отражающий средний уровень достижений стран в трех важнейших элементах развития человеческого потенциала: ожидаемой продолжительности жизни; знаниях, измеряемых долей грамотного взрослого населения (вес в две трети) и совокупной валовой долей учащихся начальных, средних и высших учебных заведений (вес в одну треть); достойном уровне жизни, измеряемом ВВП на душу населения по ППС в долларах США. Величина ИРЧП может изменяться от 0 до 1. Чем ближе она к 1, тем выше развитие человеческого потенциала.

	кая стабиль- ность(1)	и поря- док(2)	корруп- ции(3)	доходов(4)	дове- рие(5)	
Швеция	1,38	6,0	9,0	5,9	57,1	0,941
Канада	1,24	6,0	8,9	9,0	49,6	0,940
Австралия	1,26	6,0	8,5	12,5	47,8	0,939
США	1,18	6,0	7,6	16,6	45,4	0,939
Япония	1,20	5,0	7,1	4,5		0,933
Финляндия	1,61	6,0	9,9	5,1	57,2	0,930
Швейцария	1,61	5,0	7,4	9,9	43,2	0,928
Франция	1,04	5,0	6,7	9,1	24,8	0,928
Великобритания	1,10	6,0	8,3	13,4	44,4	0,928
Германия	1,21	5,0	7,4	9,0	29,8	0,925
Италия	0,82	6,0	5,5	14,5	26,3	0,913
Ю. Корея	0,50	4,0	4,2	7,8	38,0	0,882
Россия	-0,41	3,0	2,3	20,3		0,781
Бразилия	0,47	2,0	4,0	29,7	6,7	0,757
Турция	-0,75	4,0	3,6	13,3	10,0	0,742
Китай	0,39	4,0	3,5	12,7		0,726
Индия	-0,05	4,0	2,7	9,5	34,3	0,577

Источник: [13]

Примечания: 1) Оценка от -2,5 до +2,5 баллов; 2) Оценка от 0 до 6 баллов; 3) Оценка от 0 до 10 баллов 4) Коэффициент фондов (децильный) 5) Оценка по данным опросов, %.

направлении.

Совокупность факторов устойчивости классических социальных государств обеспечивает возможности роста государственной деятельности в области перераспределения, увеличения социальных расходов не только в абсолютном, но и относительном измерении. Представление о масштабах

роста дает, составленная по OECD. National Accounts. Detailed Tables. (Национальные отчеты стран ОЭСР. Подробные таблицы) Vol. 2. 1983-1995. Ф. Бурджаловым на основе данных по 5 развитым странам.

Характерно, что с течением времени интенсивность процессов государственного перераспределения, как правило, возрастает. Об этом свидетельствует преобладание тенденции к увеличению и тяжести налогообложения доходов населения (выросло на 0,9%-ных пункта) и величина социальных затрат государства (увеличилась на 2,2%-ных пункта). При этом увеличение касается в полной мере и тех стран, которые мы относим к англосаксонским (Австралия, Великобритания), что красноречиво говорит о перспективах социального государства в развитых странах.

Определяет ли перспективы социального государства в Европе его кризис? В отечественной научной литературе высказывалось мнение, что если и можно говорить о кризисе, то это **кризис адаптации**, то есть приспособления к факторам изменчивости, предвещающий не закат государства благосостояния с утратой основных функций, а его модификацию [18, с. 103]. И эта точка зрения достаточно обоснована. Ведь ради самосохранения и дальнейшего успешного развития социальное государство должно быть одновременно инерционно консервативным и способным приспособливаться к меняющемуся миру, ставящему новые границы его существования.

Социальное государство в России?

Если судьбы социального государства в Западной Европе можно прогнозировать на основе оценки факторов его изменчивости и устойчивости, то такая методика совершенно не годится для оценки перспектив социального государства в России. Одна из основных особенностей государственной политики в современной России заключается в явном отсутствии в ней долгосрочного социального компонента, подразумевающего не удовлетворение причудливых потребностей каких-

либо относительно узких социальных страт и кланов, а запросов социума в целом. Это делает её по сути антисоциальной, не способной обеспечить даже импульсивное «затыкание дыр», но порождающей противоречие между объявленными благими намерениями и их уродливым воплощением. Социальная же стратегия заменяется социальным мифотворчеством, а нередко – примитивной мимикрией (например, самопровозглашение такой части госбюджетников, как чиновничество, «государственными служащими», и превращение им государственных служащих по мировой классификации в «госбюджетников»).

Во многом это стало возможным потому, что теория и практика социального государства остаются для подавляющего большинства россиян «terra incognita». Только в таких обстоятельствах стало возможным провозглашение России в 7-ой статье Конституции РФ уже состоявшимся социальным государством. Это положение Основного закона вынуждено было спустя 2 года ревизовать даже Правительство РФ, заявив в Национальном докладе к Всемирной встрече на высшем уровне в интересах социального развития (Копенгаген, 1995), что в нашей стране лишь строится социальное государство [19].

Сама по себе поспешность, с какой Российская Федерация была провозглашена «социальным государством», не является чем-то беспрецедентным. В конце концов, когда ФРГ в своей Конституции 1949 г. объявила себя «демократическим, социальным государством», она ещё только выходила из послевоенной разрухи. Но в последнем случае все свидетельствовало, что речь идет о желанной для народа и политической элиты страны цели.

Конституция Российской Федерации 1993 г. принималась в принципиально иной по сравнению с западноевропейскими государствами общественной и социально-психологической ситуации, в которой создание социального государства в стране оказалось возможным провозгласить, но

нельзя было наполнить адекватным понятию содержанием. Обсуждавшаяся в ходе жесточайшего противостояния исполнительной и законодательной власти, приведшего к кровопролитному конфликту, окончившемуся в пользу первой из них, российская Конституция сама по себе была, с одной стороны, инструментом борьбы, а с другой – документом, закрепляющим победу бюрократии. Было бы странно, если бы она утверждала в жизни страны, как того требуют фундаментальные основы социального государства, компромиссные, конвергентные, а не конфронтационные начала. Разумеется, меньше всего победители думали о соблюдении пропорций, соотношений, долей и прочих инструментах социальной политики, применение которых может дать право называться социальным государством, как и вообще о праве на достойное существование других, а не только победивших слоев населения.

В классических европейских социальных государствах уже давно негативные последствия значительно меньшей, чем в России, дифференциации по доходам нивелируются благодаря активной деятельности государства в социальной области. Несмотря на весь универсализм социальных государств, средства пусть и не со слишком большим уклоном текут в направлении «сверху – вниз». В России же, учитывая чудовищную дифференциацию по доходам, средства должны были перетекать «сверху – вниз» значительно более отвесно. Реально же социальную политику России можно сравнить с гигантским гейзером, выбрасывающим огромные финансовые средства на верхний ярус российского общества. Основной вектор социальной политики российского государства, ориентированный на перекачку средств «снизу вверх», не позволяет сколько-нибудь эффективно поддерживать по настоящему бедствующих. Об этом проговаривается иногда даже официальная статистика. Например, такой важный для понимания сути российской социальной политики показатель, как распределение получателей дотаций и

льгот по 10-процентным группам населения в 2003 г. (сверху – дециль с наименьшими доходами) [20, с. 223] (см. таблица 3).

О противоестественном движении средств «снизу-вверх» в рамках российской социальной политики свидетельствуют и другие данные официальной статистики. В частности, при исследовании структуры расходов на конечное потребление домашних хозяйств с разным уровнем душевых доходов в 2001 г. (по материалам выборочных исследований бюджетов домашних хозяйств), в расчётах на члена домашнего хозяйства выявилась прелюбопытнейшая картина. Стоимость предоставленных в натуральном выражении дотаций и льгот в первой 20-процентной группе домохозяйств с наименьшими доходами составила 0,3% от общих затрат; во втором и третьем квинтилях – по 0,4%; в четвёртом – 0,6%, а в пятом с максимальными доходами – 0,7%. Поскольку конкретное наполнение каждого процента весьма различно в крайних квинтилях, то превышение стоимости предоставленных в натуральном выражении дотаций и льгот у 20% домохозяйств с максимальными доходами над стоимостью дотаций и льгот 20% домохозяйств с минимальными доходами составило 13,4 раза. Между тем общее превышение уровней расходов у 20% домохозяйств с максимальными доходами над расходами 20% домохозяйств с минимальными доходами составило лишь 5,7 раза [21, с. 65].

Российское государство выступает своего рода камертоном в корпоративной социальной политике. Об этом свидетельствуют данные о стоимости предоставленных работодателем в натуральном выражении льгот,

Таблица 3

Распределение получателей дотаций и льгот по 10-процентным группам населения в 2003 г. (по материалам выборочного обследования домашних хозяйств в %)

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
--	---	---	---	---	---	---	---	---	---	----

Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
1-ая	7,0	6,5	6,3	7,1	3,7	2,1	7,8	9,0	4,1	6,5
2-ая	8,7	8,3	8,2	9,1	10,9	4,1	9,5	8,5	6,9	8,9
3-ья	9,8	8,4	9,5	10,5	8,6	4,3	10,7	9,0	9,3	10,7
4-ая	10,7	10,2	10,9	11,3	10,3	6,6	11,3	11,7	5,4	10,4
5-ая	11,2	12,4	11,3	11,7	16,5	11,8	11,3	16,8	4,1	10,6
6-ая	10,7	11,3	11,0	11,0	7,9	12,6	11,2	14,8	33,1	9,4
7-ая	10,1	11,1	10,4	10,0	11,0	8,5	8,8	9,5	21,6	10,2
8-ая	9,3	10,7	9,5	8,5	4,7	11,9	6,8	9,9	4,8	11,1
9-ая	10,2	10,7	10,3	9,1	6,5	19,0	11,3	5,7	3,4	9,8
10-ая	12,3	10,4	12,6	11,7	19,9	19,1	11,3	5,1	7,3	12,4

Источник: [20]

Примечания: 1) получатели хотя бы одного из перечисленных видов дотаций и льгот; 2) получатели дотаций и льгот на питание; 3) на оплату транспортных услуг; 4) на оплату жилья и коммунальных услуг; 5) на ремонт, строительство и покупку жилья; 6) на оплату отдыха; 7) на медицинское обслуживание; 8) на содержание детей в детских дошкольных учреждениях; 9) на обучение детей и взрослых; 10) на другие цели.

зафиксированные также официальной статистикой. Их распределение по 20-процентным группам в 2003 г. выглядело следующим образом: первая группа домашних хозяйств с наименьшими ресурсами получила этих льгот в доле 3,2%; вторая – 7,6%; третья – 25,4%; четвёртая – 21%, а пятая группа с наибольшими располагаемыми ресурсами получила в тринадцать раз больше самой бедной группы – 42,8%. Если же говорить о децильном коэффициенте, то он составил (в размах) 22,4 [20, с. 271]. Понятно, что начавшаяся с января

2005 г. «монетизация льгот» лишь усугубила ситуацию. В итоге значительная часть находящихся за гранью нищеты вообще лишена доступа к государственной социальной поддержке. Но он широко открыт для тех, кого никак не отнесешь к числу нуждающихся.

«Фактом остается то, что большинство российского населения остаётся вне «новой России» – отмечал депутат бундестага от ХДС Ф. Пфлюгер. Не случайно прошлогоднее исследование Фонда Ф. Эберта выявило глубокую неудовлетворенность большинства населения социальной ситуацией в стране. Свыше 80% людей не усмотрели после вступления Путина в должность никаких улучшений ни на рынке труда, ни в сфере безопасности, ни в борьбе с коррупцией. И это вызывающая обеспокоенность реальность» [22, с. 61]. Но такое положение дел некоторые адепты реформ по-российски считают вполне нормальным, хотя оно губительно для социального здоровья общества.

Насколько малы предпосылки для продвижения России к социальному государству, выявил международный проект «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения», осуществляющийся с 1994 г. Институтом социологии РАН, Институтом питания РАМН, исследовательским Центром «Демоскоп» и Университетом Северной Каролины в Чепел Хилле (США). В ноябре 1998 г. возможность «социального примирения» полностью отвергали 53%. К концу 2001 г. этот показатель понизился до 43,2% и с тех пор существенно не менялся. Но только один из пяти респондентов соглашается, что взаимопонимание и сотрудничество между богатыми и бедными возможно. Респонденты полны ещё большего пессимизма в оценке возможности взаимопонимания «простых людей» и тех, у кого «много власти» [23, 25.04.2006].

В социальном отношении Западная Европа и Россия находятся в совершенно разных и далеко не смежных весовых категориях. Относительно небольшой набор давно и широко применяемых в ведущих странах Европы

критериев позволяет надежно отделить социальные государства от тех, которые без всяких оснований стремятся слиться ими. Они хорошо известны специалистам по социальной политике. Вряд ли даже самый ярый адепт существования особой российской модели социального государства найдет хотя бы два-три индикатора, по которым Россия соответствует его канонам.

Рассмотрим, например, отношение российского государства к детям и старикам, традиционно оцениваемое как критерий определения степени социальности страны. Во Франции, например, имеется около 30 весьма значимых видов универсальной помощи для семей с детьми [24, 06.05.2004]. В России же в 2004 г. насчитывалось только пять видов государственной поддержки семьи. Среди них – ежемесячное детское пособие в 70 рублей. При такой величине пособия на ребенка со дня рождения до 16 лет бюджет затратил бы 51 тысячу рублей. А это в соответствии с административной реформой 2004 г. месячное денежное довольствие даже не министра, а заместителя министра в Правительстве РФ [24, 06.05.2004], что выпукло показывает вектор российской социальной политики. Однако и этой смехотворной ежемесячной суммы вполне возможно многие бедные семьи лишились по Закону о разграничении полномочий между федеральным центром и регионами, в соответствии с которым вся социальная ответственность за поддержку семей с детьми, а также детей-сирот и беспризорных возлагается на регионы, многие из которых бедны.

Трагизм же положения российских пенсионеров в наличии множества разрушительных процессов, наносящих тяжёлый удар по социальному статусу пожилых людей. Среди них: обесценивание и исчезновение денежных сбережений, что ставит пенсионеров в исключительную зависимость от текущих доходов; высокие темпы инфляции, в наибольшей степени бьющие в условиях постоянно запаздывающих выплат и индексаций по получателям фиксированных доходов, что было особенно характерно для 90-х г.; повышенная по сравнению с советскими временами смертность

среди относительно молодых поколений, выезд из России многих сотен тысяч людей, среди которых значительную долю составляют ученые и высококвалифицированные специалисты, оставляющих на родине пожилых родителей, лишённых возможности пользоваться совокупным семейным доходом; коммерциализация здравоохранения, в наибольшей степени затрагивающая интересы пожилых людей; быстрое повышение платы за жильё, коммунальные и ритуальные услуги; снижение возможности получения дополнительных заработков, как ввиду ухудшения ситуации на рынке труда, так и вследствие постоянно нарастающей дискриминации по возрасту пенсионеров при их попытках трудоустроиться, а также государственных мер по уменьшению льгот для работающих инвалидов.

Понятно, что в этих условиях размеры пенсий приобретают особое значение. В европейских социальных государствах коэффициент замещения (соотношение между средним размером пенсии и средней начисленной зарплатой) составляет примерно 70%, в России же в мае 2006 г. он составил по данным Росстата лишь 27,2%, в то время как в предыдущем году он был на полтора процента выше [25, 07.06.2006]

В целом по совокупности социальных и психологических тягот пенсионеры являются одной из наиболее пострадавших от нынешнего курса реформ слоев, который отнял у них очень многое, не дав ничего взамен. Они были бы наверняка и самым обделенным слоем, если бы не их высокая политическая, в том числе и электоральная активность, с которой приходится считаться власть имущим.

Российские власти пытаются убедить народ в небывалом росте эффективности государственного развития нашей страны (экономический рост, профицит бюджета, увеличение Стабфонда и золотовалютных резервов страны и др.). Однако абсолютное большинство россиян не проявляют социального оптимизма, что выявляют практически все опросы общественного мнения, хотя положительные сдвиги все же проявляются. Это

регистрируют, в частности, исследования аналитического центра Юрия Левады. На вопрос «Как Вы считаете, какое из приведенных ниже высказываний более соответствует сложившейся ситуации?» ответы респондентов распределились следующим образом (см. табл. 4).

Избыток средств, и это понимают россияне, тратится отнюдь не в их интересах. Иначе и не может быть в условиях, когда, по данным исследовательского центра «Башкирова и партнеры», большинство россиян (64,2%) вообще не делают никаких сбережений [25, 28.04.06]. Несмотря на появившиеся вследствие бурного роста цен на нефть и газ гигантские ресурсы, государство по-прежнему занимает по отношению к своему населению позицию Гопсека, оставляя на голодном пайке социальную сферу. Возьмем, например, такой много проясняющий показатель, как государственные расходы на образование и здравоохранение (табл. 5).

Правящая элита России предпринимает попытки исправить ситуацию с финансированием социальной сферы с помощью национальных проектов. Хотя многие наемные работники уже почувствовали существенную пользу от их реализации, нельзя не отметить, что она породила немало непредвиденных социальных проблем, связанных с появлением новых диспропорций на рынке труда и в обществе. Что касается достижения поставленных целей, то трудно рассчитывать на повышение качества

Таблица 4

**Распределение ответов об изменениях в материальном положении
россиян**

Варианты ответов	Годы								
	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Все не так плохо и	10	5	9	13	18	15	20	14	22

МОЖНО ЖИТЬ									
Жить трудно, но можно терпеть	42	42	50	56	56	59	27	49	51
Терпеть наше бедствен -ное поло- жение уже невоз- можно	40	47	35	25	22	23	18	29	21
Затруд- няюсь ответить	8	6	6	6	4	3	5	8	6

Источник: [25, 08.02.2006]

Таблица 5

Государственные расходы на образование и здравоохранение (в % к ВВП)

Страны	Год	Расходы на образование	Год	Расходы на здравоохранение
Россия*	2003	3,6	2003	2,2**
	2004	3,5	2004	2,2**

Страны ЗЕ				
Австрия	2002	5,7	2001	5,3
Бельгия	2002	6,3	2001	6,4
Великобритания	2000	4,5	2002	6,4
Германия	2002	4,6	2001	8,0
Греция	2002	3,9	2001	5,2
Дания	2002	8,5	2002	7,3
Ирландия	2002	4,3	2001	4,9
Испания	2002	4,5	2002	5,4
Италия	2002	4,7	2002	6,4
Кипр	2002	6,3	2000	3,9
Люксембург	...	...	2002	5,3
Мальта	2002	4,6	2002	7,0
Нидерланды	2002	5,1	2002	5,8
Португалия	2002	5,9	2001	6,3
Финляндия	2002	6,2	2002	5,5
Франция	2002	5,6	2002	7,4
Швеция	2002	7,3	2002	7,8

*Расходы консолидированного бюджета Российской Федерации

**Включая расходы на физическую культуру

Источник: [26]

обслуживания, например, в здравоохранении просто раздавая деньги работникам первичного звена без учета квалификации, качества труда и сложившейся системы относительной зарплаты в медицине и бюджетной сфере в целом. И это оценивается социумом. Согласно мартовским 2006 г. опросам аналитического Центра Ю.Левады лишь 19% видят в реализации национальных проектов заботу о народном благе [25, 10.04.2006]. А из этого

следует, что на стадии подготовки национальные проекты не прошли необходимую социологическую экспертизу. Если бы структура российского бюджета была приведена в соответствии с европейскими стандартами социальных государств, то тогда, по некоторым подсчетам, нужно было бы на здравоохранение и образование тратить вдвое, на науку – втрое, а на культуру – вчетверо больше. Но при этом о профиците бюджета можно было бы забыть, как и о гигантских возможностях удовлетворения растущих appetитов бюрократии.

Перспективы социального развития России определяются заколдованным кругом, в котором она находится. С одной стороны, продвижение вперед немыслимо без активного государственного участия, как это происходит в европейских социальных государствах. С другой стороны, в конкретных условиях России государство само выступает основным разрушителем социальной сферы. И только выход из этого заколдованного круга позволит создать необходимые предпосылки для формирования первичных условий для становления социального государства в нашей стране, для гармонизации отношений между государством и обществом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Милецкий В.* Российская модернизация: предпосылки и перспективы эволюции социального государства. СПб.: 1997. *Торлопов В.* Социальное государство в России: идеалы, реалии, перспективы. СПб.: 1999 и др.
2. *Калашников С.* Функциональная теория социального государства. М.: 2002 и др.

3. Социальная политика. М.: 2003.
4. Социальное государство – концепция и сущность. М.: 2004.
5. Роль социального партнёрства в формировании европейского социального пространства. М.: 2003.
6. Европейский парламент: проблемы и перспективы. М.: 2004.
7. Европа – Россия: основные направления социального развития в 21 веке. М.: 2000.
8. *Милль Дж.С.* Основы политической экономии и некоторые аспекты их приложения к социальной философии. Т. 1-3. М.: 1980.
9. Концепция социального государства Российской Федерации. М.: 2004.
10. *Ойкен В.* Основные принципы экономической политики. М.: 1995.
11. Le Grand J. The Strategy of equality. L.: 1982.
12. The future of social welfare systems in Canada and the United Kingdom. South Halifax, 1987.
13. Социальные источники экономического развития. М.: 2005.
14. Московские новости. 2006, № 11.
15. Известия. 2006, 23 марта.
16. *Дэли М.* Возможности реализации социальных прав в Европе. Страсбург, Совет Европы, 2003.
17. *Мацонашвили Т.* Проблемы перестройки социального государства в Западной Европе. Pro et Contra. 2001, т. 6, № 3.
18. Институты коллективного договора и коллективного действия в современных политико-экономических системах: опыт сравнительного исследования. М.: 2005.
19. Российская Федерация. Национальный доклад к Всемирной встрече на высшем уровне в интересах социального развития. Общество и экономика, 1995, № 5.
20. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2004. Стат. сб. М.:2004.

21. Суринов А. Уровень жизни населения России: 1992-2002 гг. (По материалам официальных статистических наблюдений). М.: 2003.
22. Russland unter Putin: Weg ohne Demokratie oder russischer Weg zur Demokratie? Oberhausen, Athena, 2005.
23. Российская газета . 2006, 25 апреля.
24. Труд. 2004, 6 мая.
25. Независимая газета. 2006, 10 апреля.
26. Россия и страны – члены Европейского союза. 2005.: Стат. сб. М.: 2005. С. 61.